

Е.В. Бородина**Судебно-следственная документация как источник по изучению чувств и эмоций (по материалам Урала и Западной Сибири 1720-х годов)**

История, как и все другие социальные и гуманитарные науки, всё чаще обращает внимание не столько на выявление закономерностей развития человечества, сколько на быт обычных людей, их чувства и переживания. Как отмечают редакторы сборника конференции, посвященной проблеме анализа эмоциональной жизни российского человека 2008 г., «эмоциональный поворот» достиг и России. За последние годы в этом направлении была проведена огромная работа, накоплен значительный фактический материал как зарубежными, так и отечественными исследователями¹. Как думал, чего хотел, что чувствовал человек прошлого – вот одна из ключевых проблем современной исторической науки, которая решается учеными по-разному.

Если источники по истории западноевропейских государств предоставляют, в первую очередь, источники личного происхождения, то история России, к сожалению, не может быть столь подробно изучена с точки зрения бытия отдельно взятой личности. Данные о жизни и чувствах наших предков фрагментарны. Выяснение причин поступков многих из них часто остается за гранью исследовательского интереса. В большинстве случаев реконструкция эмоциональных состояний исторических персонажей заканчивается характеристикой настроения правителя или другого крупного государственного деятеля, реже – представителя интеллектуальной элиты. Лишь немногие исследователи обращаются к исследованию эмоциональной составляющей жизни «маленького» человека.

Какие же источники можно использовать для того, чтобы выяснить, что чувствовали люди прошлого? Это литературные произведения, отражающие различные аспекты духовной и материальной жизни человека², духовные грамоты (завещания)³, воспоминания и мемуары⁴, судебно-следственная документация¹.

Бородина Елена Васильевна, к.и.н., доцент Уральского государственного лесотехнического университета. Эл. почта: Sosnovi-bor@yandex.ru

¹ См., например: Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000; Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М., 2002; Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей. М., 2010.

² Данилевский И.Н. Холопское счастье Даниила Заточника // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М., 2002. С. 94–107; Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М., 2011.

³ Кошелева О.Е. Ракурсы «щастья» в России XVII–XVIII веков // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М., 2002. С. 108–117; Козлова Н.В. Мир чувств и переживаний // Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002. С. 24–26.

⁴ Санникова Т.О. Быт и нравы уральской провинции конца XIX века в мемуарной литературе // Историческая динамика российский нравов: консерватизм vs модернизация: Материалы Всероссийской конференции с международным участием (20 апреля 2012 года). Екатеринбург, 2012.

Последняя группа источников используется достаточно часто. В большинстве случаев они представляют собой разнообразные материалы, содержащие челобитную (явку) с изложением сути дела, допросные речи, копии завещаний и купчих, протоколы очных ставок, выписки из Соборного Уложения 1649 г. и «новоуказных статей», приговоры и многое другое. Разносторонность данных источниковых комплексов позволяет черпать из них информацию, которая может послужить материалом для реконструкции разнообразных общественных процессов.

Еще одним преимуществом судебно-следственных документов является тот факт, что в период раннего нового времени в российские суды начало обращаться все большее количество людей из непривилегированных сословий. В государственных учреждениях XVII – начала XVIII в., занимавшихся судопроизводством, разбиралось все больше дел, связанных с повседневной жизнью человека этого времени. Рутинная жизнь, состоявшая как из позитивных, так и негативных моментов, возвращается перед нами на страницах судебно-следственных документов.

Несмотря на то, что возбуждение любого судебного производства и сейчас является проявлением такой ситуации, когда необходимо предотвратить отклоняющееся от социальной нормы поведение, изучение документов юридической практики позволяет выявить модели девиаций. Кроме того, судебно-следственные документы содержат в себе огромный пласт косвенной информации, позволяющей говорить, как о рациональном, так и об эмоциональном отношении человека к той или иной жизненной ситуации. Следовательно, есть возможность выявить эмоции, которые поощрялись и порицались в среде простолюдинов первой трети XVIII в. Кроме того, анализ допросных речей поможет выяснить мотивы совершения правонарушений на данном этапе развития общества.

Рассматривая судебные дела, отражавшие деятельность городских судов и судебных канцелярий 1720-х годов, можно увидеть, что большинство из них представляют собой не тяжбы об имуществе и не расследование уголовных правонарушений, а мелкие споры. В историографии их принято называть делами о «бесчестье» или, если брать шире, – делами в «бое и брани»². Судебные споры такого рода, например, часто рассматривались в Уктусской и Каменской судебных канцеляриях. Общий процент таких дел по Каменскому дистрикту за 1722 г. составляет 47,8% от всех поступивших дел за год³.

Именно через конфликты можно выявить эмоциональный фон участников судебного процесса. Исковое заявление в таких случаях обычно подавалось в суд из-за обиды, было вызвано негативными эмоциями. Ответчик в таких тяжбах, безусловно, представляется как человек неуравновешенный, не имеющий сил сдерживать свои эмоциональные порывы. Суть рассматриваемых дел сводилась к жалобам на оби-

¹ Коллман Н.Ш. Соединенные чество. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001; Кошелева О.Е. Один из Иванов в эпоху Петра (опыт персональной истории) // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М., 2002. С. 305–325 и др.

² Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006; Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

³ Бородина Е.В. Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург, 2012. С. 238.

ды, словесные и физические оскорбления, побои. Большинство подобных тяжб заканчивалось мировой челобитной¹. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, основной причиной возбуждения дела являлось стремление напугать неблаговоспитанного соседа, устранив его дальнейшими негативными последствиями совершенных деяний. С другой стороны, данное обстоятельство свидетельствует о большой распространенности такого способа разрядки общественных отношений, как подача жалобы в суд, который являлся необходимым фактором снижения социального напряжения. Только таким образом, по мнению В.И. Жельвиса, на данном этапе развития общества человек мог выразить себя, высказать наболевшее. Данные действия позволяли сохранить общество от слишком длительных межперсональных конфликтов, а отдельно взятого человека – от психосоматических расстройств².

Многие конфликты в «бое и брани» развивались в местах большого скопления мужчин, предназначенных «для питья пива» – «питейных избах» и кабаках. Нередко ссоры сопровождалась неуместной похвальбой и оскорблениями, баловством с холодным оружием и пьяными драками. Так, например, в доношении 1726 г. описывается столкновение в одной из питейных изб в окрестностях Кунгура: «Сего ноября в 14 день нынешнего 1726 году, будучи во оном селе в доме у крестьянина Максима Уфинцова оной Бутаков толкнул мне в груди того же села крестьянина Максима Сарапулцова. И я стал ему говорить, для чего ты толкаешь оного Сарапулцова, и он против моих слов называет стал вором и стал на меня находить и за горло давить стал»³. Еще один кунгурский забияка, Терентий Новожилов, в разные периоды своей жизни «хвалился всех показанных крестьян перерезать ножом», угрожал сжечь соседский двор и даже бросался в ни в чем не повинных людей «железной рудой»⁴. Случаи драк и словесных перепалок в кабаках и неподалеку от них были нередки и в других населенных пунктах Урало-Сибирского региона 1720-х годов.⁵ Большинство из них показывают психологическую неуравновешенность участников конфликта, их неумение контролировать эмоции, отчасти невозможное ввиду опьянения. Время от времени безудержные эмоции, неконтролируемые в драках, приводили к летальному исходу. Такой случай произошел, например, в 1725 г. в Каменске, где был «бит гораздо» и убит «поленьем своим умыслом» из-за подозрения в краже лошади один из драгун Царева Городища⁶.

Драки и ссоры не были чем-то исключительным и на улице, на соседском дворе. Нередки были случаи, когда соседи становились друг для друга непримиримыми врагами. Эмоциональный накал в процессе выяснения отношений между ними мог привести к открытому конфликту с применением рубящих и режущих предметов. Так, в 1726 г. один из драгунов Каменска жаловался: «против двора моего на

¹ Бородина Е.В. Указ соч. С. 235.

² Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001. С. 35–36.

³ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

⁴ РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 14. Л. 1; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 14. Л. 16 об.; РГАДА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 14. Л. 18–18 об.

⁵ ГАТО. Ф.И-181. Оп. 1. Д. 32. Л. 7 об.; ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 7. Л. 540; ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14. Л. 22 и др.

⁶ ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 9. Л. 818 об. – 820.

улице били меня колом и кулаками неведомо за что». Со слов еще одного из жителей Каменска читаем в челобитной: «нашед на меня [...] и бил деревинкой безвинно на смерть неведомо за что», «меня и жену мою Ульяну били обухом и брылу просекли и окосматили и изувечили и обесчестили»¹.

Иногда на слободских и деревенских улицах происходили и более опасные столкновения, связанные с правонарушениями, получившими в России периода раннего нового времени наименование «блудного воровства». Казусы, происходившие на этой почве, имели разную степень тяжести и отличались по содержанию. В судебные канцелярии часто поступали жалобы отцов семейства или их жен, обвинявшие неуравновешенных чужаков в непристойных действиях по отношению к членам семейного сообщества². Кроме того, были часты случаи приводов в судебные канцелярии лиц, обвиняемых в «блудном воровстве» или не оформленном по закону сожителстве. Женщин приводили по обвинению в «прижитии блудно младенца». В рассматриваемых ситуациях по судопроизводству можно реконструировать такие эмоции и чувства, как любовь и привязанность, страх быть осужденным в обществе или страх перед другим человеком. Многие приводы заканчивались благополучно: за порицаемые в обществе действия и чувства женщины и мужчины приговаривались лишь к наказанию батогами³. При этом, как отметила Н.А. Миненко, грех при наличии взаимных чувств не порицался обществом⁴, а само наказание носило формальный характер – «чтоб никому не повадно было».

В некоторых случаях на основе «блудных дел» заводилось производство по более тяжким уголовным правонарушениям, среди которых основным было убийство. В 1721 г. в Кунгурскую судебную канцелярию поступило дело об умерщвлении младенца девки, находившейся в услужении у попа Ивана Батрунова. По допросу женщины очевидно, что все её действия были продиктованы страхом огласки и общественного презрения. Именно поэтому она объявила, что родила ребенка уже мертвым и бросила его в воду, «убоясь от народу огласки»⁵. В 1726 г. в Кунгуре рассматривалось дело об убийстве мужа женой и любовником. Для того, чтобы вызвать чувство любви у женщины, последний «травы приносил не по одно время», которой «к себе присушил» так, что «и жить без него» «не могла», «а мужа своего с той поры любить не стала»⁶.

Несмотря на то, что большинство правонарушений на сексуальной почве совершались по обоюдному согласию, судебные документы зафиксировали и иные случаи, когда «блудное воровство» становилось изнасилованием. Источники, отражающие эти неприятные страницы из жизни женщины, пронизаны страхом и отвращением к совершенному правонарушению. Одинаковые чувства испытывали и потерпевшая, и свидетели: «а как он Василей ея Офимью сохвтал и изна-

¹ ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14. Л. 15; ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

² РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 1565. Л. 1.

³ ГАСО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 9. Л. 200 об.

⁴ Миненко Н.А. В круговороте повседневности: к характеристике быта и нравов горожан XVIII в. (по материалам г. Тюмени) // Уральский город XVIII – начала XX века: Сборник статей. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. С. 43–74.

⁵ РГАДА. Ф. 941. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

⁶ Там же. Ф. 518. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

сильничал, и вышеписанная Авдотья Артамонова кричала, и вышеписанный Василей за то ее Авдотью бил и страшал и говорил, чтоб никому не сказывала. И она Офимья про то блудное насилие за страхом ему никому не сказывала»¹.

Все рассмотренные случаи позволяют говорить о возможности реконструкции эмоций и чувств, используя судебно-следственную документацию. Наиболее часто на страницах документов судопроизводства встречаются такие негативные эмоции, как агрессия, гнев, ярость, высокомерие, заносчивость, гордыня, раздражение, зависть, оскорбленность. Наряду с ними можно выявить и такие положительные эмоции и чувства, как любовь, надежда, нежность. Особняком от них стоят чувства страха и вины. Безусловно, что упоминания отрицательных эмоций в источниках преобладают, так как именно они вызывают наибольший интерес людей даже в современных условиях существования человечества. Положительные эмоции и чувства не столь интересуют общество, они реже откладываются в источниках, особенно таких, как судебно-следственные дела. Несмотря на это, в судебных делах часто затрагивается тема раскаяния совершивших правонарушения, переступивших существовавшие социальные нормы. Таким образом, обращение в суд, проведение следственных мероприятий и вынесение судебного приговора способствовали развитию представлений о чувстве вины, воспитанию саморефлексии простых людей как отдельных представителей общества.

¹ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.